

ЛЮБ^{❤️}ВЬ ПОД ПАРОЛЕМ

*Ева
Валетти*

*Вера
Дудевская*

Ева Валетти

Любовь под паролем

«Автор»

2026

Валетти Е.

Любовь под паролем / Е. Валетти — «Автор», 2026

Моя жизнь разделилась на две реальности. В одной — Кирилл Грачёв, придирчивый арт-директор, доводящий меня до бешенства. В другой — Одиссей, таинственный собеседник, чьи слова заставляют сердце петь в унисон с цветом и формой. Я думала, они — противоположности. Пока не узнала, что это один и тот же человек. Как теперь работать, доверять — и вообще дышать, когда всё, во что я верила, оказалось иллюзией? Обложка: Эллис Мор.

© Валетти Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация	5
Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	30
Глава 9	33
Глава 10	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Любовь под паролем

Аннотация

Моя жизнь разделилась на две реальности. В одной — Кирилл Грачёв, придирчивый арт-директор, доводящий меня до бешенства. В другой — «Одиссей», таинственный собеседник, чьи слова заставляют сердце петь в унисон с цветом и формой. Я думала, они — противоположности. Пока не узнала, что это один и тот же человек. Как теперь работать, доверять — и вообще дышать, когда всё, во что верила, оказалось иллюзией?

Пролог

Я уже в третий раз обходила книжный по кругу, вглядываясь в корешки на полках. «Прорывные приёмы графического дизайна» — последний экземпляр, ради которого я примчалась через половину Москвы перед самым отъездом домой, в Питер. Уехать без этой книги казалось преступлением — по крайней мере, перед собственной карьерой. И вот, наконец, в самом дальнем углу среди вороха глянцевого журналов я её увидела. Одинокий том в скромной серой обложке. Рука сама собой потянулась к нему.

В тот же миг рядом что-то прошуршало, и надо мной нависла плотная тень, отрезав свет. Я резко обернулась. Мужчина в дорогом тёмном пальто, не отрывая взгляда от экрана смартфона, произнёс ровным, уверенным голосом:

— Извините, но это моя книга. Так что...

Он поднял глаза, и в них мгновенно вспыхнул азарт.

— Не вижу на ней отметки «резерв», — парировала я. — Последняя на полке — значит, по праву моя. — Пальцы сжали холодную обложку.

— С чего бы?

Он склонил голову набок, словно взвешивал мои слова, стараясь понять, шучу я или всерьёз готова отстаивать книгу до конца.

— С того, что я первая её нашла.

— Договоримся? — В уголках его губ промелькнула снисходительная улыбка. — Я куплю вам электронную версию, а этот экземпляр заберу себе. Честное слово. — Он сделал шаг вперёд, приблизившись почти вплотную. В нос ударил терпкий аромат дорогого парфюма, и я... чихнула. Мужчина удивлённо вскинул бровь.

— Будьте здоровы!

Я хмыкнула, глядя на драгоценную находку в руках.

— Читать эту книгу с экрана — издевательство над холистическим восприятием дизайна. Хотя... — Я снова посмотрела ему в глаза. — Вы всегда можете купить электронную себе. Зато точно не потеряете.

Мужчина посерьёзней. Он протянул руку, ладонью вверх, будто ожидая, что я просто так отдам книгу. Смешно!

— Подождите второго издания. Уверен, выпуск не за горами.

Но я даже не думала отпускать.

— А зачем ждать, если книга уже у меня?

Он ухмыльнулся шире, по-прежнему уверенный в победе, и снова потянулся к книге. Пальцы почти коснулись обложки... но я не позволила забрать «мою прелесть». Резким движением прижала томик к груди — обложка лишь скользнула по его пальцам. На губах расцвела самая триумфальная из всех, что у меня имелись.

— Приятного чтения... мне. А вам, — добавила я, разворачиваясь к проходу между стеллажами, — придётся искать свой экземпляр в следующей жизни. Удачи!

Он нахмурился. А я развернулась и направилась к кассе, крепко прижимая к себе книгу. Мало ли что ещё может прийти ему в голову.

Прошёл всего месяц, а я уже стояла у панорамного окна просторного конференц-зала новой креативной студии «Пульс», куда совсем недавно прошла по конкурсу. Студия только открылась — московская компания запустила очередной офис, на этот раз в родном Петербурге.

Сквозь огромное стекло мягко лился солнечный свет, отражаясь в безупречно чистой поверхности длинного стола и в лёгком мерцании экранов на стенах. В воздухе витал аромат

новизны: свежая краска, пластик, дерево, и тонкие кофейные ноты, наполнявшие пространство уютно.

Я нервно перебирала края портфолио, то и дело бросая взгляды на зал, который понемногу наполнялся людьми. Пока что нас было около десятка — все незнакомые, новые лица.

Вторая дверь бесшумно распахнулась. Вошёл мужчина — высокий, уверенный, в безупречно сидящем тёмно-синем костюме, с планшетом в руке. Все замолчали.

Не колеблясь ни секунды, он уверенно направился к трибуне у дальнего конца стола.

Сердце глухо ударило в рёбра. Это лицо... я уже где-то его видела. Резкие черты, пронзительный, цепкий взгляд. Внутри что-то щёлкнуло в тот самый миг, когда он окинул зал взглядом — и вдруг задержался на мне.

На долю секунды его шаг замедлился. Серые глаза сузились, бровь чуть приподнялась — почти незаметно, но выразительно.

Повисла напряжённая тишина. Он смотрел прямо на меня. А я — на него.

— Как вас зовут? — Его голос, низкий и уверенный, разрезал тишину.

Я почти машинально подалась вперёд, чувствуя, как горячая краска заливает шею.

— Виктория Соболевская.

Он кивнул, не отводя взгляда.

— Я арт-директор студии, Кирилл Грачёв. Рад, что вы с нами.

Он сделал паузу. В его серых глазах промелькнуло нечто похожее на азарт — хищное, предвкушающее.

И тут пазл сложился.

Москва. Книжный. Тень, скользнувшая по плечу. Незнакомец. Книга. Серые глаза.

Это как же я так влипла?! Хотя немудрено с моим-то везением. Я чуть наклонила голову.

Первая реакция — бежать. Даже колено нервно дёрнулось в сторону двери.

Но нет. Не доставлю ему этого удовольствия.

Я выпрямилась, выдержав его пристальный взгляд и как можно чётче произнесла:

— Я тоже рада возможности работать здесь.

Самая беззастенчивая ложь за последний год.

Уголки его губ дрогнули в едва заметной, но до боли знакомой ухмылке.

— Отлично. Добро пожаловать в команду... Виктория. — Он нарочно выдержал паузу перед моим именем. — Надеюсь, вы готовы к... интенсивной работе.

Глава 1

Молоко на журнальном столике давно остыло, покрывшись тонкой матовой плёнкой. И зачем я вообще его наливала? Даже не сделала глотка — так увлеклась.

Зато сейчас на губах — улыбка до ушей.

Одиссей сегодня превзошёл сам себя. Прислал не просто фото, а настоящие образцы новой, пока ещё секретной коллекции мебельных красок. Матовые, бархатистые, с такими глубокими, живыми оттенками, что дух захватывает.

Я листала карточки, будто ощущая фактуру подушечками пальцев и улавливая тонкий аромат свежей краски.

«Аметистовая ночь», «Пыльная роза», «Тайная лагуна»...

Вот это я понимаю — щедрость и безупречный вкус. Настоящее золотое сердце, скрытое за ником и аватаркой.

Не удержавшись, я схватила телефон:

Ледяной цветок:

Одиссей, это просто волшебство! Спасибо огромное! ## Что бы я без тебя делала?

Одиссей:

Да брось. Рад, что понравилось. Твой энтузиазм — лучшая награда.

Ледяной цветок:

Не брошу! Серьёзно, я в неоплатном долгу. Проси что хочешь — исполню! (ну, почти всё ##).

Одиссей:

Хм... Помнишь свои слова. Тогда... Напоишь меня кофе при встрече.

Ведь мы когда-нибудь увидимся в реале?

Я застыла, будто меня окатило ледяной водой. Палец замер над клавиатурой.

Увидеться? С тем, кто за месяц вечерних переписок стал другом? Или... даже больше.

Сердце забилось чаще. Мысль одновременно пугала — и странно манила.

А если мы разочаруемся друг в друге? Если экран был щитом, за которым мы оба прятали несовершенства?

Всё началось так невинно — с моего восторженного комментария под его постом в хобби-сообществе. Он выложил фотографию буфета своей прабабушки: старинного, с тонкой резьбой. Одиссей не просто отреставрировал, он вдохнул в него новую жизнь, превратил в настоящее произведение искусства. Не ремесленник — художник.

А дальше... как это часто бывает в сети: пара лайков, пара ответов, несколько личных сообщений — и всё завертелось.

Прошёл месяц, и я ловлю себя на том, что каждый раз с нетерпением жду вечера. Жду звука уведомления. Без его сообщений день будто не складывается до конца. Он умеет слушать (точнее, читать), тонко шутить, и просто быть рядом.

А теперь он предлагает сделать шаг. Переступить ту тонкую грань между виртуальным и настоящим.

Одиссей:

Ты где? Испугалась? ##

Ледяной цветок:

Конечно, нет! Просто... не ожидала такого поворота.

Одиссей:

Тогда?

Ледяной цветок:

Даже не знаю, что сказать...

Честно? Я просто раньше об этом не думала. Вообще.

Одиссей:

Понял. Подумай пока. Только недолго — а то кофе остынет.

Ледяной цветок:

Хи-хи, подумаю! ##

Я откинулась на спинку дивана, прижимая телефон к груди и невольно улыбаясь. Вот именно за это я его... ценила. За лёгкость. За то, что он никогда не давил, не торопил.

С ним можно было говорить обо всём: о глупом споре с соседкой, о внезапном желании перекрасить стены в спальне, о дачном детстве и даже о начальнике-самодуре.

И он тоже делился — о сложных заказах, о вдохновении, которое находил в самых неожиданных местах, о любви к старому дереву и запаху меловой краски.

Просто... тёплый, тихий обмен частичками жизни — сквозь экран.

Ледяной цветок:

Понимаешь... Просто мне очень нравится вот так. Говорить с тобой.

Иногда мне кажется, что я могу рассказать тебе всё что угодно. И ты — мне.

Это важно. Ценно.

Одиссей:

Понимаю. Мне тоже.

Тогда без спешки, хорошо?

Никаких обид.

Ледяной цветок:

Ок. Спасибо тебе.

Спокойной ночи, Одиссей.

Одиссей:

Спокойной, Ледяной цветок.

Сладких снов. ##

Я уже собиралась отправить телефон на зарядку, когда темноту комнаты разрежала вспышка. Сообщение. Но не от Одиссея.

Из другого чата. От босса.

Текст — короткий, сухой, без приветствия и единого знака препинания:

Кирилл Грачёв:

Виктория завтра к семи в офисе предыдущий вариант дизайнера баннеров неудачный прошу без опозданий у меня после обеда Сапсан

Весь тёплый, лёгкий, вечерний настрой лопнул как мыльный пузырь.

Я закатила глаза так сильно, что чуть не увидела собственный затылок.

Ну вот, началось. Кирилл Грачёв. Мой босс. Гений графического дизайна с характером дикобраза в грозу. Вечно недоволен, вечно торопит, вечно придирается.

Ни капли человеческого тепла.

Противоположность моему... Одиссею.

Сжав губы и не меняясь в лице, я коротко ткнула в экран:

Виктория:

Ок.

Утро встретило меня промозглым ветром, пробирающимся под лёгкую куртку и жалищим кожу. Шесть сорок.

Я бежала по ещё пустынным тротуарам Васильевского острова — сумка с ноутбуком больно била по бедру, а в голове всё громче стучало: «Семь утра. Семь утра. Грачёв меня убьёт».

Город, укутанный в серую дымку, только начинал просыпаться, зевал сонными окнами и лениво тянулся к свету.

А я уже чувствовала себя загнанной лошадыю.

Позвонила мама.

— ...И когда ты, наконец, остепенишься, Вика? Дизайн — это, конечно, мило, лучше, чем твои художества, но ведь нестабильно! Вот тётя Люда — её дочь уже двоих родила, муж — банкир...

Я бросила взгляд на экран такси-приложения. Все машины либо «заняты», либо «через 15 минут». Пешком быстрее.

— Mam, я бегу на работу. Давай позже, хорошо? — выдохнула я, переходя на рысцу.

— А семья тебе совсем не важна? Ты уже не девочка! Твой отец тоже мечтал о «высоком искусстве», и чем всё закончилось? Галерея разорилась, а мы...

Голос матери дрогнул. Укол вины пронзил грудь — знакомый и привычный.

Отец... Его акварели до сих пор висели у меня дома. Мечты, разбившиеся о реальность, — и мама, которая тащила семью на одной учительской зарплате.

— Мама, у меня отличная работа! — резко сказала я. — Я сделаю карьеру. Обязательно.

Ты просто не понимаешь, что такое графический дизайн.

Наступила в лужу — и грязные брызги щедро окрасили бежевые брюки. Прекрасно. Вот тебе и «художества» — прямо у меня на штанах.

Но ничего. Я обязательно заработаю. И себя обеспечу, и маме помогу. Если, конечно, Грачёв не сожрёт меня заживо прямо сегодня.

— Может, работа у тебя и хорошая, но замуж всё равно надо! — не унималась мама.

— Mam, я тебя люблю. Правда. Но мне действительно надо бежать. Перезвоню вечером, обещаю.

Я отключилась, не дожидаясь ответа, и ускорилаь.

Мысль о холодных, оценивающих серых глазах арт-директора, уже ждущего меня в безупречно стерильном офисе, заставила кровь в жилах похолодеть.

И никакого сравнения с тёплым, ироничным светом экрана, где по вечерам оживал другой — Одиссей.

Одиссей...

Мысль о нём, о его красках, о наших разговорах, согрела на мгновение. «Кофе... Вот бы сейчас чашку... с ним и никуда не торопиться», — мелькнуло предательски, и я чуть не споткнулась о край тротуарной плитки.

Сконцентрируйся, Вика! Выжить этим утром — вот задача номер один.

Кирилл

Кабинет — моё убежище. Территория тишины и выверенного порядка.

Я листал черновики баннеров для нового клиента, лениво смахивая один за другим. Эти, кажется, делал тот парень... Слава, что ли?

Ужасно.

Слишком пёстро. Слишком безлико. Ни идеи, ни характера. Не цепляет взгляд, не вызывает эмоций — пустая обёртка.

Следующие — её работа. Виктории. Эти были куда лучше. Структурные, сдержанные, но с внутренней глубиной. Но нужно доработать.

Я оттолкнул планшет, и он, скользнув по идеально гладкой поверхности стола, едва не снёс хрупкую модель Эйфелевой башни.

Удержалась. Упрямая, цепкая.

Как пальцы Виктории, сцепившиеся в книгу по дизайну в московском книжном.

Раздражение, тяжёлое и знакомое, уже ворочалось под рёбрами.

Виктория Соболевская.

Она уже должна быть здесь. Я назначил встречу на семь не случайно — до планёрок, до звонков, до посторонних ушей. Хотел поговорить спокойно, в лоб, разобрать провал — без масок, без лишнего шума.

Где она?

Что-то в ней выбивало меня из равновесия. Всё началось с того дня. Самоуверенная, с видом «я тут главная», схватила книгу в московском книжном, как будто ей всё с рождения положено.

С тех пор — как заноза под кожей. Не даёт покоя.

Да, она талантлива. Спорить глупо — портфолио сильное, глаз точный.

Но всё в ней бросало вызов. Царапало. Ломало привычный порядок в моей спланированной жизни.

Я встал, подошёл к окну. Город за стеклом просыпался в сером мареве. Мутное небо над Невой отражалось в стекле — холодное, серо-голубое, один в один оттенок из вчерашней палитры.

Рядом на столе — смартфон. Я разблокировал экран.

Открыл чат с Ледяным цветком.

Её вчерашние сообщения: радость, живой интерес, восторг от оттенков. Моя попытка — неуклюжая, но искренняя — предложить встретиться. Её смущённая, почти робкая реакция.

На губах — против воли — появилась улыбка.

Ледяной цветок.

Она умела видеть. Цвет, фактуру, идею — так как вижу я. Мы говорили и мыслили на одном языке.

С ней было просто. Легко. Без лишних слов — по-настоящему честно.

Я открыл окно, вдохнул прохладный воздух и направил камеру на небо.

Щёлк. Серо-голубой, чуть дымчатый — тот самый оттенок из вчерашних образцов.

Отправил ей фото.

Она поймёт.

Этот цвет — точно её.

Жду опоздавшую Соболевскую. И как назло, воспоминания о тёплой, живой переписке только усиливают раздражение.

Я резко сунул телефон в карман пиджака.

Виктория

Я влетела в вестибюль «Пульса» ровно в шесть пятьдесят девять — задыхаясь, с волосами, растрёпанными ветром.

Лифт поднимался мучительно медленно. Каждый этаж — как вечность.

Спокойно, Вика. Соберись. Он просто начальник. Ты — профессионал.

Перед глазами всплывала его снисходительная ухмылка в книжном, хищный, цепкий взгляд в конференц-зале, ледяной голос — выверенный, как скальпель. Всё это сводило мантру на нет.

Сигнал сообщения. Неужели от Одиссея? Посмотрю позже — не хочу портить удовольствие даже намёком на близость Грачёва.

Лифт, наконец, остановился.

Двери раскрылись.

Длинный, безлюдный коридор.

Стеклянная дверь с табличкой «К. Грачёв. Арт-директор» казалась воротами в логово дракона.

Я подбежала, стараясь восстановить дыхание.

Рука уже потянулась к ручке... и замерла.

Стучать? Просить разрешения?

Вчера он написал: «К семи в офисе». Он ждёт. Он уже раздражён. Каждая секунда — повод для очередной придирки.

Нет. Я не дам ему удовольствия увидеть меня робкой и вымученно вежливой.

Кирилл

Чтобы успокоиться, я вглядывался в блёклые силуэты кораблей на Неве, стараясь удерживать внимание на их медленном движении, а не на раздражении, которое поднималось внутри. Семь ноль пять. Где она? Неужели действительно опоздала?

Это уже был бы верх наглости. Я заранее представил, как оберну это опоздание в ледяную фразу — короткую, меткую, как укол. Пусть почувствует вес своей несобранности. Пусть поймёт, что здесь не место для самодеятельности.

Внезапный щелчок — замок двери сработал с резким звуком, и я обернулся.

Виктория

Я распахнула дверь одним решительным движением. Она с силой ударилась о стопор и громко захлопнулась.

Босс стоял, повернувшись к окну вполоборота. Серые глаза широко раскрылись от явного шока. На лице застыла маска полного непонимания — казалось, будто в его идеально выстроенный мир ворвался ураган.

Остановилась у стола, всё ещё запыхавшаяся, щёки пылали от бега. Взгляд Грачёва скользнул по моим растрёпанным волосам, запылённому лицу и, наконец, остановился на глазах.

— Виктория. Вы... опоздали на шесть минут.

Глава 2

Всего-то шесть минут. А интонация у него такая, будто я государственную тайну слила. Вот прицепился!

Будь моим начальником кто-то другой — точно бы начала извиняться. Знаю себя. Но перед Грачёвым — не захотела. Хоть и понимала, что не права.

Но как бы ни хотелось признавать, теперь я находилась на его территории, и правила диктовал он.

— Я была в вестибюле в шесть пятьдесят девять, — выпалила я, всё ещё переводя дух. — Лифт... — хотела сказать «застрял», но поняла: прозвучит как жалкая отговорка.

— Не оправдывайтесь, Виктория, — отрезал он, не дав договорить. Его взгляд скользнул по папке, которую я инстинктивно прижала к груди, словно щит. — Ваши баннеры для «Аквамарина» не работают. Никак. Вы способны на большее.

Это он меня сейчас похвалил или отчитал? Вот уже три недели, как я здесь, а до сих пор не понимаю, устраиваю его как дизайнер или нет.

Грачёв подошёл к столу, взял планшет и несколькими резкими движениями пальца вывел на экран мои вчерашние работы. Те самые, над которыми я корпела целый день, стараясь вложить «внутреннюю глубину», которую он, казалось, разглядел раньше.

— Смотрите, — его палец ткнул в центральный элемент. — Шрифт. Слишком... робкий. Не цепляет. Цветовая палитра? Безликая. Где акцент? Где эмоция? Крючок, Виктория? Клиент хочет не просто информировать — он хочет продавать. Ваши баннеры сейчас — тихий шёпот на шумной вечеринке. Их просто не слышно.

Каждое слово било по моей профессиональной гордости. Я знала: там была мысль. Была глубина! Но под его холодным скальпельным разбором уверенность таяла, как утренний туман. Вечно ему что-то не так. Вечно придирается. Может, мама права, и надо было идти в бухгалтеры? Хотя... у бухгалтеров наверняка тоже есть свои Грачёвы.

— Что конкретно вы предлагаете изменить? — спросила я сквозь стиснутые зубы, изо всех сил стараясь сохранить профессиональный тон.

Он сел в кресло, откинулся на спинку и сложил пальцы домиком. Взгляд — всё тот же: оценивающий, хищный.

— Смелее. Ярче. Больше динамики. Шрифт — дерзкий, но читаемый. Цвет — контрастный акцент, который невозможно проигнорировать. И переделайте центральную композицию. Она статична, как музейный экспонат. Мне нужно движение. Жизнь. К девяти утра. На планёрке посмотрим.

К девяти?! Час с небольшим — на полный редизайн трёх баннеров!

— Кирилл Сергеевич, — начала я, чувствуя, как кровь приливает к лицу, — это очень сжатые сроки для такой переработки. Я...

— Время — деньги, Виктория, — перебил он. — Особенно время клиента. Если не справляетесь с темпом студии «Пульс», возможно, стоит пересмотреть карьерные ориентиры. Девять утра. Не опоздайте на планёрку.

Удар ниже пояса.

Но почему... почему моим боссом не мог оказаться Одиссей? Почему именно этот...

— Хорошо, — выдавила я сквозь зубы, поворачиваясь к выходу. — К девяти.

Вышла из кабинета, плотно прикрыв дверь, и прислонилась к холодной стене коридора. Несколько секунд просто дышала, пытаясь успокоить сердце. Ладно... если подумать, баннеры действительно можно сделать смелее. Но это не отменяет факта: он меня притесняет. Это точно. Пользуется своим положением. Мстит за книгу, не иначе. По-другому никак не объяснить его патологическую придиричность.

Следующие полтора часа пролетели в бешеном вихре. Я вцепилась в работу, как в спасательный круг, — и не отпускала. Про холодный чай на столе забыла, про коллег, которые украдкой поглядывали в мою сторону, — тоже. Мир сузился до экрана, мыши и жгучего желания доказать Грачёву, что я здесь не случайно.

Вспомнился Одиссей с его оттенками. «Аметистовая ночь» — в самый раз. Добавила дерзкий акцентный цвет: насыщенный бирюзовый, как всплеск воды. Шрифт — смелый, но элегантный. Композицию перестроила, вложив в неё движение, жизнь.

К девяти закончила. Глаза горели, пальцы дрожали от напряжения и адреналина. Это было сильно. Цельно. Даже он должен признать.

На планёрке я представила работу последней. Стояла, стараясь не выдать дрожь, пока Грачёв листал слайды на большом экране. Его лицо оставалось непроницаемым. Коллеги перешёптывались — я уловила «Круто!» и «Вау, смело!». Это придавало уверенности.

Он закончил просмотр, поднял глаза. Взгляд — всё такой же сканирующий.

— Лучше, — произнёс он наконец. Внутри вспыхнула надежда. — Но... — Сердце рухнуло. — Бирюзовый акцент слишком агрессивный. Режет глаз. Смягчите. Эти динамичные линии... напоминают детскую каляку-маляку. Уберите. Вернитесь к строгой геометрии. И шрифт... этот дерзкий... замените на что-то более классическое.

Что? Для динамичного рекламного баннера?! Это абсурд. Насмешка.

В глазах потемнело. Вся обида вырвалась наружу единым яростным порывом, раньше чем я успела подумать.

— Вы издеваетесь? — голос дрожал. — Это уже не критика, это... придирки!

Гробовая тишина. Серые глаза Грачёва на миг расширились, словно от искреннего изумления, но тут же в них мелькнуло что-то иное — раздражение? Злость? Он медленно встал.

— Это, Виктория, — произнёс он холодно и отчётливо, так, что по спине побежали мурашки, — смешно. Ваши фантазии — показатель незрелости и неумения отделять профессиональное от эмоционального. Я требую результат. Качественный и вовремя. Если для вас это «придирки», значит, вы не на своём месте. У вас есть время до конца дня. Исправьте.

Он развернулся и вышел из зала, оставив меня стоять посреди немых коллег с пылающими щеками.

С одной стороны — жгучее желание бросить всё, хлопнуть дверью и больше никогда не видеть этого тирана. С другой — упрямая мысль о маме, о её сомнениях в моей работе, о моих собственных амбициях.

Я — хороший дизайнер. И не позволю ему сломать меня.

День тянулся мучительно долго. Я механически вносила правки, балансируя на тонкой грани между смелостью и сдержанностью.

В голове крутились его слова... и взгляд. Он ведь выглядел искренне удивлённым моим обвинением. Может, я и правда сгущаю краски? Может, он просто... такой — безнадежно требовательный перфекционист без намёка на эмпатию?

Скорей бы вечер. Моя уютная квартирка и Одиссей...

Одиссей — глоток воздуха. Его поддержка, лёгкая ирония... Я открыла наш чат и перечитала последнее сообщение: «Спокойной, Ледяной цветок. Сладких снов». Вздохнула. Почему реальность так жестока?

К семи вечера я закончила. Отправила ему файлы с сухой припиской: «Правки внесены». Ответа не ждала. Но уже через минуту пришло короткое: «Хорошего вечера».

Выключила компьютер с чувством полного опустошения. Прочь из этого стерильного офиса.

Город встретил прохладным вечерним воздухом. По пути домой я решила заглянуть в маленькую кофейню с настоящим кофе, запахом свежей выпечки и старыми деревянными столами. Иногда я позволяла себе маленькие радости. Сегодня заслужила целый торт. Или два.

Потянув тяжёлую деревянную дверь, вдохнула знакомый аромат кофе и ванили. Внутри — уютная полутьма, джазовая мелодия. Я направилась к стойке, уже представляя себе огромную порцию рафа с солёной карамелью.

— Двойной эспрессо, без сахара, пожалуйста, — прозвучал рядом знакомый, низкий, уверенный голос.

Я замерла. Спиной ко мне, стоял Кирилл Грачёв. Его профиль в мягком свете лампы казался усталым, лишённым привычной жёсткой маски.

Босс словно почувствовал мой взгляд и обернулся. Серые глаза встретились с моими. В них мелькнуло изумление.

— Виктория. Не ожидал... Кофе? — он нарушил тишину первым.

В голове пронеслось: «Напоишь меня кофе при встрече». Слова Одиссея. Только передо мной был совсем другой человек.

Я открыла рот — отказаться, согласиться... не знаю, что ещё. Но слова застряли в горле. Всё, что получилось, — тихий, сбивчивый шёпот:

— Я... я просто... пожалуй, пойду.

— Не стоит, — ответил Грачёв. — Раз уж вы здесь, выпейте хотя бы кофе.

Глава 3

— Хорошо... — выдавила я, подходя к стойке и изо всех сил стараясь не смотреть на босса. Ради него менять планы точно не стоит. — Раф с солёной карамелью. И кусочек чизкейка, пожалуйста.

Я упрямо глядела вперёд, пока бариста готовил заказ. Напряжение между нами клубилось, словно кофейный пар. Он взял крошечную чашку с густой чёрной жидкостью, я — огромный стакан, увенчанный лёгкой пеной. Неловкость толкнула меня пригласить его жестом к свободному столику у окна. Он лишь коротко кивнул.

Ну и встреча...

Мы сели друг напротив друга: я устала в белую пену, он — в тёмную бездну эспresso.

— Сегодня вы заставили меня много работать, — знала, что лучше промолчать, но слова сами сорвались с губ. В присутствии Грачёва разум как будто отключился, уступая место непонятной злости.

— Вы опоздали на шесть минут, — сказал он.

Искра тлела. Я вдохнула сладковатый аромат карамели.

— Я была в здании вовремя. Лифт, — начала я, но он перебил, всё так же невозмутимо:

— Опоздание — это когда вы не на месте в назначенный час. Лифт — проблема вашего планирования.

Горькая усмешка сорвалась сама собой.

— Как и всё остальное, если судить по вашим замечаниям. Баннеры — «не работают», шрифт — «робкий», цвет — «безликий», композиция — «статична»... — перечисляла я его сегодняшние уколы, чувствуя, как обида поднимается комом в горле. — Что именно вас во мне раздражает, Кирилл Сергеевич? Или придирается ко мне — ваше хобби? Всё началось с книги, да?

Он, наконец, поднял глаза.

— Почему вы воспринимаете мои слова как придирки? — произнёс он, чуть наклонив голову. — Я не придираюсь, Виктория. Я работаю с вами. Беру над вами шефство, если угодно. Потому что вижу потенциал, который вы упорно закапываете под слоем обид и нежелания слышать критику.

— Шефство? — я не поверила своим ушам. — Я не просила вас быть моим наставником! И уж точно не просила публично разносить мои работы на планёрках!

— Но именно этого вам и не хватало, — спокойно возразил он, сделав глоток эспresso. — Ваши первые варианты для «Акварина» были технически аккуратны, но безжизненны. Вы можете гораздо больше, но прячетесь за безопасной, скучной эстетикой. Кто-то должен был вытолкнуть вас из зоны комфорта.

И всё-таки он меня вывел.

— Вы издеваетесь? — голос дрогнул, несмотря на все усилия удержать его ровным. — Это и есть ваше «шефство»? Драконовские сроки, унижительные замечания при всех, постоянное ощущение, что я ни на что не гожусь? Это помогает мне «расти»? Или просто помогает вам чувствовать себя всемогущим боссом, которому дозволено ломать подчинённых как вздувается?

Бровь босса едва заметно дёрнулась. В глазах мелькнуло что-то — раздражение? Нет... скорее искреннее непонимание.

— Я требую результат. Качественный и вовремя. Всё. Если для вас требование профессионализма — это «издевательство», значит, вы выбрали не ту стезю, Виктория. «Пульс» — не детский сад для талантливых, но ранимых дизайнеров.

— Всё это вы уже говорили. — В груди сжалось, и три недели накопленной усталости, обиды и несправедливости рванули наружу. Я даже не пыталась сдержаться. — А может, дело не во мне? — выпалила я, вставая. Стул с грохотом отъехал назад. — Может, дело в вас? В том, что вы просто... злой человек? Вечно недовольный, придирчивый, неспособный на простое человеческое участие! Потому что иначе и быть не может, если ты одинок! Ведь с таким характером, с таким умением отравлять всё вокруг себя, пристроиться просто невозможно! Вот вы и вымещаете свою злобу на тех, кто слабее, кто не может дать сдачи! На мне!

Последние слова прозвучали слишком... даже для меня. Громкие и резкие, они перекрыли тихую мелодию. Пара за соседним столиком замерла, уставившись на нас. Бариста за стойкой застыл с тряпкой в руке. Да, похоже, меня понесло. Окончательно понесло.

Лицо Грачёва окаменело. Ни следа прежней усталой озадаченности. В серых глазах словно выключили источник света. Они потемнели и стали нечитаемыми.

Он медленно поднялся.

— Что... вы... сказали?

Страх и стыд перемешались во мне со жгучим удовлетворением: кажется, я попала точно в цель, в самое больное место. Оставаться под этим взглядом, тяжёлым и прожигающим, было невыносимо. Я резко схватила сумку.

— Вы всё слышали! — бросила я, пятась к выходу. Сердце колотилось в висках. — Наслаждайтесь своим эспрессо... и одиночеством!

Развернулась и вылетела на улицу. Дверь кофейни захлопнулась за спиной, отрезав от тёплого света и запаха кофе. Осенний ветер ударил в лицо, холодный и пронизывающий. Несколько шагов — и дыхание сбилось, будто я бежала гораздо дольше. Я не знала, куда иду, просто двигалась прочь.

И тут позади хлопнула дверь. Быстрые, решительные шаги по мостовой.

— Виктория! — голос Грачёва разрезал вечернюю тишину, низкий, злой.

Я ускорила шаг. Сумка с ноутбуком больно била по бедру. За углом — узкий переулок между старыми домами, фонари здесь едва теплились. Я почти бежала, захлёбываясь воздухом, и впервые в жизни почувствовала себя настоящей добычей.

Внезапно сильная рука схватила за плечо, резко развернув. Я вскрикнула — от неожиданности и боли. Передо мной стоял Грачёв, тоже запыхавшийся. Его обычно безупречная причёска растрепалась, галстук сбился набок. В серых глазах бушевал шторм.

— Что это было?! — выдохнул он. — Ты считаешь себя вправе вот так... судить? Бросать обвинения и убегать?!

— Отпусти! — я дёрнулась, но хватка была стальной. — Я не хотела этого говорить! Ты сам довёл! Три недели! Три бесконечные недели! Ты придираешься, издеваешься... Сколько можно?!

Он наклонился ближе, глаза сверкнули в полумраке переулка.

— Это ты доводишь меня с первого же дня, — прошипел он.

Его лицо было слишком близко. Слишком. Я видела каждую черту — резкую линию челюсти, тень щетины, отблески фонаря в глазах. Дыхание перехватило. И внезапно, нелепо, будто удар током, мелькнула мысль: а что, если он сейчас меня поцелует? Сердце загрохотало. И ужаснее всего было осознание предательской искры внутри меня, которая этого хотела.

Я застыла, не в силах пошевелиться, не в силах отвести взгляд. И он, кажется, тоже это почувствовал. Его глаза на миг потеряли фокус, скользнули к моим губам, снова вернулись к глазам. Дыхание стало неровным. Рука на моём плече сжималась и разжималась, будто он боролся сам с собой.

— Ты... — начал он хрипло, но запнулся.

— Что? — вырвалось у меня. Голос предательски охрип, но вызов прозвучал. Я резко дёрнула подбородком вверх, словно сама подталкивала его к развязке.

— Ты готова, — сказал он низко, вплетая пальцы в мои растрёпанные ветром волосы у виска, — нести ответственность за каждое своё слово, Вика?

Глава 4

Я вздрогнула от того, как он произнёс моё имя — тихо, почти интимно.

— Всё, что я сказала — правда, — выдохнула я.

Собрав последние силы, дёрнулась назад, отчаянно пытаюсь вырваться. Сумка соскользнула с плеча и с глухим стуком ударилась о брусчатку. Этого оказалось достаточно — его пальцы на миг ослабили хватку. Вырвалась, схватила сумку и, не оглядываясь, бросилась бежать к свету улицы, оставив Грачёва в темноте переулка.

Лишь смахнув влагу с щеки, я поняла: моросил дождь. Или это была слеза? Неважно. Главное — бежать. Прочь от него. Прочь от этих серых глаз.

Одиссей:

Бывают ли у тебя странные дни, когда ты делаешь то, чего совершенно не хотела, и сама себя не понимаешь?

Ледяной цветок:

В последнее время всё чаще. ## И я не представляю, как выбраться из этого.

Одиссей:

Тогда ты меня понимаешь.

Ледяной цветок:

Что случилось?

Одиссей:

Просто неприятности на работе. Не бери в голову.

Я не удержалась от улыбки, хоть в горле ещё стоял ком после случившегося в переулке. С каждым сообщением Одиссея мир вокруг становился теплее и светлее.

Я уже успела принять душ. Ужинать не стала — аппетит пропал, хотя в холодильнике ждала вчерашняя селёдка под шубой. Уже ясно: придётся её выбросить.

Устроилась удобнее на диване, закуталась в плед и начала печатать.

Ледяной цветок:

Удивительно, но не впервые у нас в один и тот же день одинаковое настроение.

Одиссей:

Думаешь, это судьба? ##

Ледяной цветок:

Не иначе. Хорошо, что ты есть.

Одиссей:

И ты.

Кирилл

Шагнул под обжигающе горячую воду и прикрыл глаза. День выдался хуже некуда. Я рассчитывал спокойно закончить правки и, может быть, вечером выпить кофе с Ледяным цветком, пусть и виртуально. Вместо этого — дерзкий выпад Соболевской на совещании, взрыв в кофейне, нелепая сцена в переулке. И что на меня вообще нашло?

Такого со мной ещё не бывало. Недавно я поймал себя на мысли: мне нравилось её задевать. От осознания стало неловко, даже стыдно, но всё равно нравилось, и я не мог остановиться. Нравилось наблюдать, как трещит её безупречная маска — от идеально собранных в узел волос до сжатых в бессильной злости кулаков.

Викторию сложно выбить из колеи: ни сроки, ни капризные клиенты, ни нелепые правки коллег не могли поколебать её хладнокровия. Но я добился в этом отличных результатов. Я быстро понял, как её спровоцировать, и продолжал это делать — отчасти ради того, чтобы

снова увидеть огонь в её глазах, отчасти потому, что в глубине души Кирилл Грачёв оставался законченным идиотом, не умевшим проявлять ничего, кроме грубого настойчивого давления.

Сегодня должен был просто уйти из кофейни. Но вместо этого оказался рядом с ней — поддразнивая, доводя до взрыва, а потом... Потом этот переулочек. Её взгляд, губы. И как-то незаметно мы перешли от криков и взаимных обвинений к невыносимо напряжённому, почти... физическому контакту.

В тот миг, когда пальцы запутались в её волосах, а она гордо и вызывающе приподняла подбородок, я понял: в этих глазах очень просто утонуть. А я — не хотел тонуть. В её злости сверкало что-то завораживающее, дикое, первобытное. И от этого сердце билось так, как не билось уже много лет. И всё же — до сих пор я не могу понять, что произошло со мной в переулке.

А когда она вырвалась я пытался не замечать собственного разочарования.

Но стоило силуэту раствориться в дожде, как я поплёлся домой — напрямиком в душ. Иначе так бы и стоял посреди улицы, вдыхая след её парфюма, смешанного с сыростью ночи, и чувствовал себя окончательным идиотом.

Выбросить её из головы — вот единственное, в чём я нуждался.

Другое дело — Ледяной цветок. Настоящая. С ней всегда просто: легко, тепло, честно. С недавних пор она стала моей отдушиной.

Ледяной цветок умна, но умна и Виктория. Разница в другом: в Ледяном цветке я улавливал удивительное душевное тепло, которого Соболевская была напрочь лишена. Виктория стремилась наверх, готовая сражаться за место под солнцем. Я понял это с первой нашей встречи в книжном.

А Ледяной цветок — просто милая девушка.

Я резко тряхнул головой. И зачем вообще начал их сравнивать?

Позволив горячей воде бить в затылок, пытался смыть из памяти взгляд Соболевской в полумраке, тепло её кожи под моими пальцами. Потянулся за гелем, замешкался — и тут же выругал себя за глупую слабость: не хотел окончательно стереть её след.

А не предложить ли снова Ледянному цветку встретиться? Хотя она уже однажды мягко, но решительно отклонила мою попытку. Я ломал голову: может, она боится, что я сочту её некрасивой? Хотел написать, что для меня это не имеет значения. Но тут же мелькнула другая мысль: вдруг всё наоборот, и она боится, что я её разочарую? Или... может быть, она вовсе не та, за кого себя выдаёт?

Фотография могла снять все вопросы. Но это означало бы нарушить нашу негласную договорённость об анонимности. Так что мне оставалось только верить, что где-то есть женщина, которая порой понимала меня лучше, чем я сам.

Просто я никогда её не видел.

Вышел из душа и сразу потянулся к ноутбуку. Там уже ждало сообщение.

Ледяной цветок:

Ты сегодня какой-то не такой...

Одиссей:

Немного раздражён.

Ледяной цветок:

И кто осмелился испортить твоё настроение?

Одиссей:

В офисе есть одна девушка.

Ледяной цветок:

Ого, интрига! Ну давай, рассказывай. ##

Одиссей:

Да ничего особенного. Просто она вечно меня злит. Дерзкая без меры и не к месту считает себя правой.

Ледяной цветок:

Небось ужасная зазнайка? ##

Одиссей:

Ну... не без этого. Характер ещё тот.

В общем, глупости всё это. Забудь.

Глава 5

На следующее утро я шла в офис с ощущением, будто на мне всё ещё оставался след вчерашнего вечера — лёгкий нажим его пальцев на плече и тень взгляда в полумраке переулка. Сон не принёс облегчения: он лишь перемешал воспоминания в тревожный калейдоскоп стыда и странного волнения.

Только этого мне ещё не хватало. Ну что за наваждение!

Мама писала с самого утра:

«Когда приедешь, Вика?»

«Возьмись за ум, не доводи меня до сердечного приступа».

«Что бы сказал твой отец, если бы был жив?»

«Ох, и почему я не родила ещё кого-нибудь... Говорила мне мама...»

«Катюша принесла твои старые тетради. Что с ними сделать?»

«И так далее... и так далее...»

Отвечать сейчас совсем не хотелось.

На работу я пришла с запасом в полчаса — отчасти чтобы успеть подготовиться к встрече с боссом, отчасти назло. Я знала: моё раннее появление выбьет его из привычного ритма. Кирилл Грачёв наверняка ожидал подвоха. Он был уверен, что я снова опоздаю или, в лучшем случае, войду в дверь в последнюю минуту. Но никак не мог предугадать, что сегодня я появлюсь раньше — и, что самое удивительное, по собственной воле.

Кабинет московского начальника (скорее бы он убрался восвояси) располагался на пятом этаже. Разумеется, он уже был на месте — порой казалось, что Грачёв и вовсе живёт в офисе. Лифт, как назло, не работал: о его неисправности сообщала криво прибитая табличка. Пришлось подниматься пешком.

Запахавшись, я потянула тяжёлую дверь на лестничную клетку. В нос ударил запах холодного бетона, смешанный с лёгким привкусом дешёвого чистящего средства. Флуоресцентные лампы тускло мерцали и жужжали, словно нарочно доводя до раздражения. Не иначе — пыточная.

Подъём в туфлях на каблуках оказался не самым радостным началом дня. Я приподняла юбку, чтобы та не стесняла шаг, и двинулась вверх. Звук каблуков гулко отдавался в пустых бетонных стенах. Где-то этажом выше хлопнула дверь, и я услышала быстрые, решительные шаги. Я машинально опустила подол, пригладила складки на блузке, поправила выбившуюся прядь — и замерла в ожидании встречи. С кем угодно: с уборщицей, курьером, коллегой...

Но сердце уже бешено забилося, предупреждая о надвигающейся опасности. Я узнала эту стремительную походку задолго до того, как он появился в поле зрения.

Кирилл Грачёв спускался вниз, уткнувшись в экран смартфона. Если бы это был кто-то другой — я бы молча прижалась к стене и уступила дорогу. Но стоило мне уловить очертания его острого подбородка, увидеть идеально уложенные, хотя и чуть выбившиеся из-под геля пряди, безупречно сидящий дорогой костюм, — я застыла на месте, вцепившись в ремешок сумки.

Кирилл резко затормозил, едва не задев меня плечом, и поднял глаза. Поразительно, с какой скоростью его сосредоточенное выражение сменилось раздражением.

— Девять тридцать, Соболевская. Встреча назначена на десять, — отчеканил он. В серых глазах блеснул азарт, но ни следа смущения. Ни тени раскаяния за вчерашнее.

Я выпрямилась во весь рост на ступеньке, остро осознавая: это наша первая встреча после того переулка. После его пальцев, запутавшихся в моих волосах, и горячего дыхания на моей коже.

— Я не знала, что существует правило, запрещающее приходить раньше, — парировала я, стараясь держать голос ровным, хотя кровь грохотала в висках и мешала мыслить ясно. Казалось, теперь я подхватила его азарт. Опасная, заразительная игра.

— Ты пытаешься выбить меня из колеи, — его глаза сузились, блеснув знакомым упрямством. Он сделал шаг, сокращая расстояние между нами. — Думаешь, если будешь сидеть у моей двери идеально собранная, тогда я... что?

Ещё шаг. Я машинально попятилась. Холодная бетонная стена коснулась спины, лишая пути к отступлению. Его взгляд скользнул по мне — оценивающе, медленно, хищно.

— Хорошая попытка, — произнёс он тихо.

Я пыталась удержать маску превосходства.

— Правда? — бросила я насмешливо. — Рада, что вы оценили.

— Но это тебе не поможет.

К моей досаде, он не собирался отступать. Но и я тоже. Я чувствовала исходящее от него тепло, видела, как напряглась челюсть.

— Если это не работает... — выдохнула я, — почему ты выглядишь так, будто готов взорваться?

Его рот искривился в вызывающей ухмылке, глаза потемнели. Он наклонился так близко, что губы оказались всего в сантиметре от моих. Нос скользнул по моей щеке, дыхание обожгло кожу у виска, шевеля выбившиеся пряди волос.

— Похоже, не я один взвинчен, — прошипел он низким, хриплым голосом, от которого по спине пробежали мурашки.

Я совсем не этого ожидала. Хотелось заехать по его наглой физиономии, но тело будто парализовало. Казалось, я больше не распоряжаюсь собой.

Вика... как же ты это допустила...

Его рука легла на стену рядом с моей головой, окончательно зажимая меня в угол. Вторая схватила меня за запястье, не давая отодвинуться. Настоящее вторжение. Демонстрация силы. Моё глупое тело отозвалось дрожью и томительным волнением где-то глубоко внутри. Я сжала свободную руку в кулак, лишь бы не дотронуться до него, не вцепиться в идеальные складки пиджака.

Губы Грачёва коснулись моего уха.

— Вчера ты с большим интересом разбирала мой характер на атомы. А сама? Не кажется тебе, что мы очень похожи? Именно поэтому...

Внезапно босс отступил, будто от удара током. Замешательство. А затем лицо его снова стало холодным, непроницаемым.

— Десять часов. Мой кабинет. Не опоздайте.

Он развернулся и быстрым шагом спустился вниз. Дверь в холл с грохотом захлопнулась.

Я прислонилась спиной к холодной стене, пытаюсь перевести дыхание. Сердце колотилось как сумасшедшее, а внутри всё горело — от унижения, злости и чего-то ещё, чего я не хотела признавать. Совсем не это я планировала.

Хотела сбить его с толку, а получилось наоборот. На этот раз последнее слово осталось за ним. Но больше такого я не допущу.

Потребовались минуты, чтобы прийти в себя. Я поднялась на пятый этаж, зашла в дамскую, поправила макияж и собрала волосы в тугий пучок. Глядя в зеркало, пыталась увидеть уверенную в себе женщину, а не взволнованную девчонку, только что прижатую к стене.

Ровно в десять я вошла в кабинет Грачёва. Он сидел за столом, безупречный и собранный, и смотрел на меня с видом, в котором читалась явная победа.

— Садитесь, Соболевская, — произнёс он, указывая на стул. — Обсудим ваши баннеры. Вчерашний вариант, несмотря на ваши эмоции, всё ещё далёк от идеала.

Я села, сжав руки на коленях.

Игра продолжалась.
Только теперь правила стали ещё сложнее.

Глава 6

Я сжимала в руках стилус до онемения пальцев. В горле пересохло, будто весь воздух выкачали из комнаты, оставив лишь густую, вязкую тишину. Её прерывали только щелчки пальца босса по планшету — перелистывание слайдов.

Грачёв молчал. Только смотрел. И это было страшнее любой критики.

Наконец, слайд-шоу закончилось. Он отложил планшет, сложил пальцы домиком и медленно поднял взгляд на меня.

— Виктория Соболевская, — после паузы произнёс он. — Технически — безупречно. Композиционно — выверено. Цвет... приемлемо.

В груди дрогнула глупая надежда. Может, сегодня обойдётся?

— Но это мёртво, — добавил он, и надежда рассыпалась прахом.

Грачёв поднялся, подошёл к экрану и ткнул пальцем в центральный элемент.

— Вот здесь. И здесь. Вы вообще думали, когда делали это? Или просто собрали из чужих осколков? Где мысль? Где та самая глубина, о которой вы так любите говорить?

Каждое слово попадало в цель. Я чувствовала, как заливаюсь краской, ненавидя себя за эту слабость.

— Я исходила из брифа, Кирилл Грачёв, — намеренно выделила его имя — так же, как он. — Бровь босса приподнялась. — Клиент хотел сдержанности и элегантности.

— Клиент не знает, чего он хочет! — резко перебил он. — Наша работа — показать ему это. А вы принесли обёртку без конфеты. Красиво, но пусто.

Он встал, упёрся ладонями в столешницу, наклонился вперёд. Его фигура будто заполнила всё пространство.

— Вы способны на большее, Виктория. Я это видел. Но вы прячетесь. Бойтесь ошибиться. Бойтесь быть слишком смелой. Слишком живой. Так не получают здесь очков. Так их теряют.

В глазах потемнело от злости и унижения. Опять этот тон — как будто я упрямый ребёнок.

— И что же вы предлагаете? — процедила я сквозь зубы.

В его взгляде мелькнул хищный огонь, от которого у меня перехватывало дыхание с первого дня.

— Предлагаю перестать играть в дизайн. Начать его чувствовать. Вернитесь к работе и найдите там себя. Мне нужна ваша голова, Виктория, а не просто умелые руки.

И самое ужасное — в глубине души я знала: он прав.

Этот страх жил во мне с детства. Учителя качали головами над моими «слишком смелыми» сочинениями: «Есть каноны, Вика, не изобретай велосипед». Каждую попытку выразить себя глушили чужим авторитетом: «Умные люди уже всё придумали, просто повторяй». Дома — то же самое: «Не выдумывай. Делай как все».

Годы дрессировки сделали своё дело. Я научилась прятать мысли, подбирать «правильные» решения, которые никого не заденут. Я стала мастером идеальных, безупречных работ — и совсем забыла, что значит создавать по-настоящему.

И теперь этот надменный, невыносимый человек одним ударом разрушил все мои защиты. Он увидел то, что я сама боялась замечать.

Но признать это вслух означало капитуляцию.

Кирилл

Обсуждение баннеров Соболевской закончилось так же, как и началось — моими правками и её сжатыми от злости зубами. Она молча кивнула, приняла всё без единого возражения и вышла из кабинета с видом мученицы, идущей на казнь. Слишком театрально.

И всё же, когда дверь за ней закрылась, внутри что-то щёлкнуло. Сожаление? Возможно. Может, я и правда был с ней слишком резок?

День растворился в совещаниях и звонках. Я делал вид, что сосредоточен, но мысли упорно возвращались к Виктории. К тому, как в том тёмном переулке её волосы пахли дождём. Сбросить этот образ было невозможно.

К вечеру офис опустел. Я задержался до полуночи.

Осталась только тишина, нарушаемая гулом серверов да редким шумом машин на набережной. Я откинулся в кресле и устало потёр переносицу.

Телефон лежал на столе. Я взял его, провёл пальцем по экрану. Чаты с клиентами, рабочие письма... и единственный диалог, который сейчас имел значение. С Ледяным цветком.

Последнее её сообщение: «Хорошо, что ты есть».

В груди кольнуло неприятное чувство вины. Я писал ей о «дерзкой сотруднице», которая выводит меня из себя. А сам едва не поцеловал эту самую сотрудницу в сыром переулке — слишком явственно ощущая, как бешено бьётся её сердце. И думая вовсе не о работе. Ещё чуть-чуть — и это точно бы случилось. Не понимаю, что тогда на меня нашло.

Такого больше не должно повториться.

И вдруг до тошноты захотелось услышать голос Ледяного цветка. Настоящий. Не холодные буквы на экране, а живой, тёплый тембр. Когда-нибудь это обязательно случится.

Я открыл наш чат и написал:

Одиссей:

Не спишь?

Ответ пришёл почти сразу, будто она держала телефон наготове.

Ледяной цветок:

Нет. Не могу уснуть. Мысли всякие.

Одиссей:

Какие?

Ледяной цветок:

О работе. О людях. О том, как иногда один человек может перевернуть всё с ног на голову.

Одиссей:

У нас похожие проблемы.

Ледяной цветок:

Твой «монстр» с работы снова достал?

Я усмехнулся и посмотрел на тёмное окно, где отражалось моё собственное усталое лицо.

Одиссей:

Сказать, что достал, — ничего не сказать. Порой кажется, мы говорим на разных языках.

Я набрал эти слова, на миг замер, сомневаясь, стоит ли отправлять. Но всё же нажал «Отправить».

Ледяной цветок:

Ужасно, когда не дают спокойно работать. Это убивает нервную систему.

Точно в цель. Как всегда.

Одиссей:

А ты почему не спишь?

Ледяной цветок:

Не могу. Мозг работает на повышенных оборотах. Кстати, ты так и не рассказал, что за краски используешь в своём секретном проекте. Отвлеки меня.

Я улыбнулся. Вот она — вся её сущность. Даже на грани изнеможения она искала красоту.

Я перевёл взгляд на палитру оттенков, которую недавно сам же ей отправил.

Одиссей:

«Аметистовая ночь». С добавлением ультрамарина для глубины. И капелька серебра.
Чтобы искрилось.

Ледяной цветок:

Звучит волшебно. Хотела бы я увидеть это вживую.

Одиссей:

Только скажи...

Ледяной цветок:

Я подумаю. А сейчас — спокойной ночи.

Одиссей:

Спокойной ночи, Ледяной цветок. Сладких снов.

Я отложил телефон и снова посмотрел в чёрное окно.

Кто бы мог подумать, что я способен чувствовать такую близость и тепло к женщине, которую никогда не видел.

Глава 7

Сообщение пришло глубокой ночью, когда я уже почти провалилась в сон. Резкий звук вибрации вырвал меня из сладкого забытья. Нашупав на тумбочке холодный корпус телефона, я вслепую разблокировала экран.

Свет ударил в глаза. Всего одна строка:

Кирилл Грачёв:

Завтра к 7:00 в офисе.

Я застыла, уставившись на эти слова. Ни «здравствуйте», ни «пожалуйста», ни даже намёка на объяснение. Просто сухой приказ.

Телефон упал на кровать. Семь утра. В воскресенье. Это пытка. Перед внутренним взором тут же возник его образ: холодные глаза, непроницаемое лицо и едва заметная усмешка в уголках губ. Казалось, он наверняка знал, что я только-только заснула. Чувствовал это каким-то садистским чутьём.

Сон мигом испарился. Я ворочалась с боку на бок, мысленно возвращаясь к нашим последним встречам. Переулок. Лестница. Его пальцы, скользнувшие к моей коже. Слова, сказанные в сердцах. Что теперь? Уволить меня хочет? Или просто в очередной раз доказать, кто из нас сильнее?

Утром я залпом выпила двойной эспрессо, почти не различая вкуса. Надела свой самый безразличный рабочий комплект — чёрные брюки и простую белую блузку, стянув волосы в тугой пучок. Броня. Мне нужно было чувствовать, что я защищена.

Офис «Пульса» в воскресенье казался безлюдным и чужим. Длинные коридоры глушили шаги, панорамные окна впускали призрачный свет питерского утра. Воздух пах стерильной тишиной и одиночеством.

Дверь в кабинет Грачёва была приоткрыта. Я постучала и, не дожидаясь ответа, вошла.

Кирилл Грачёв стоял у окна спиной ко мне. Пиджака не было, только тёмные брюки и белая рубашка с закатанными рукавами. В его позе сквозила усталость, непривычная для этого всегда собранного человека. На столе дымилась чашка чёрного кофе.

— Я здесь, — тихо сказала я, остановившись у порога.

Он медленно повернулся. Лицо бледное, под глазами тёмные тени, но взгляд — всё тот же: пронзительный, цепкий.

— Соболевская. Ровно в семь. Я впечатлён, — произнёс он.

— Вы сказали к семи. Я здесь, — ответила я, пожав плечами. — Так в чём дело?

Он молча подошёл к столу, взял планшет и протянул мне. На экране мелькнули макеты баннеров, над которыми я последние дни билась до изнеможения. Честно говоря, меня от них уже мутило.

— Мне не нравится, — сказал он ровно. — Всё. От концепции до исполнения.

Я сглотнула.

— Недавно вы утверждали, что всё в порядке.

— Тогда я ошибался, — отрезал он и сделал глоток кофе. — А сейчас — нет. Нужно переделать. С нуля.

Я едва не рассмеялась — от отчаяния. Это уже было не замечание, а чистый абсурд.

— Вы издеваетесь? Это... бессмыслица!

Он поставил чашку на стол. Взгляд сузился, стал колючим.

— Я не плачу вам за то, чтобы вы делали «нормально» или «в порядке». Я плачу за гениальность. А её здесь нет.

— Может, вам просто нравится мучить меня? — сорвалось с губ. — Нравится чувствовать себя богом, который в любой момент может разрушить всё? Это из-за той книги? Из-за того, что я тогда вас сделала?

Он сделал шаг навстречу. Потом ещё. Злость сдавила грудь, дыхание стало резким.

— Это из-за того, что ты должна всё переделать, Виктория, — произнёс он тихо. — Только и всего. Хватит прятаться за безопасными решениями.

— Что бы я ни сделала — вам всё равно не понравится.

Он был уже совсем близко. Я уловила горьковатый запах кофе, смешанный с его одеколоном. Рассмотрела мелкие морщинки у глаз, следы усталости на безупречном лице.

— Попробуй проявить себя, — сказал он низко.

— Вы ничего обо мне не знаете, — прошептала я, но уверенность из голоса уже ушла.

— Я знаю, — он поднял руку, и я невольно замерла. Но пальцы коснулись лишь края стола. — Я знаю, что та девушка, которая боролась за книгу, не исчезла. Она просто спряталась.

Его взгляд скользнул к моим губам. Сердце забилося где-то в горле — громко, бешено. Всё во мне кричало: отступи, уйди, разорви эту тягучую близость. Но я не могла сдвинуться с места.

Грачёв наклонился ближе. Дыхание коснулось моей кожи — тёплое, неровное, пугающе близкое.

— И мне интересно, — прошептал он, — что же нужно сделать, чтобы она вернулась.

И прежде чем я успела осознать, что происходит, сказать хоть слово или оттолкнуть, его губы коснулись моих.

Шок от горячего прикосновения обжёг меня мгновенно. Я не ответила. Но и не отстранилась. К стыду, должна признать: мне понравилось. От этого шок лишь усилился.

Грачёв первым отстранился. Пространство между нами наполнилось звенящей, оглушительной тишиной. Серые глаза босса встретились с моими — широко раскрытые, будто он сам не верил в то, что только что сделал.

Резко отвёл взгляд. Повернулся к окну, поднял чашку, сделал глоток.

— Макеты, — произнёс он глухо, не оборачиваясь. — К понедельнику. Можете идти.

Я стояла ещё несколько секунд, пытаюсь перевести дыхание, ощущая на губах жгучий след от поцелуя — если это вообще можно было назвать поцелуем — и собственное смятение. Потом молча развернулась и вышла, притворив за собой дверь.

Шла, почти не чувствуя пола под ногами. В голове билась одна-единственная мысль: что это сейчас было — и как теперь вести себя с Грачёвым?

Глава 8

Кирилл

Сидя за рабочим столом в пустом кабинете, я снова и снова прокручивал в памяти случившееся. Сколько ни пытался отогнать навязчивый образ, он всё равно возвращался — настойчиво вытесняя все остальные мысли.

Её губы оказались именно такими, как я их себе представлял — мягкими, тёплыми, удивительно незащитными. Шок в её глазах длился всего миг, но был оглушительным. Как и мой собственный. А ещё... я отшатнулся как безумный, почувствовав, как кровь ударила в виски.

Теперь она ушла, а я остался один.

Отвернулся к огромному окну, за которым медленно сгущалось небо. Слишком часто я стал задерживаться на работе. Рука сама собой потянулась к чашке с остывшим кофе. Большой глоток холодной горечи обжёг язык и горло, но не смог заглушить сладковатого привкуса губ Соболевской.

Пальцы невольно коснулись губ, желая удержать это мимолётное ощущение. Но, опомнившись, я резко опустил руку.

Что, чёрт возьми, на меня нашло? Это было непрофессионально. Глупо. Опасно. И совершенно... необратимо.

Провёл ладонями по лицу, с силой надавив на веки — будто хотел стереть и её образ, и собственное смятение. Но перед внутренним взором снова всплыло её лицо: бледное, с широко раскрытыми глазами.

Виктория Соболевская. Моя сотрудница. Дерзкая. Талантливая. Невыносимая.

Я откинул голову на спинку кресла и прикрыл глаза. Чтобы отвлечься, схватил телефон. Рабочие чаты молчали. Зато в личке мигало новое сообщение.

Максим (управление проектами):

Кирилл, приветствую. Ты будешь на дне рождения Лены? В следующую субботу.

Я застыл, уставившись в экран. День рождения. Елена из отдела копирайтинга. Обычно такие мероприятия я обходил стороной — пустая трата времени, да и не настолько я близок с сотрудниками. Но сейчас это оказалось не так просто: Елена — без пяти минут жена Макса.

Будет ли там Соболевская? Мысль кольнула неожиданным жаром. Пульс ускорился, как от внезапного прилива адреналина.

Что, чёрт возьми, со мной происходит? Почему сама возможность увидеть её снова кажется одновременно пугающей и притягательной?

Я ткнул по экрану:

Кирилл Грачёв:

Буду.

Ответ прилетел мгновенно.

Максим (управление проектами):

Ого! Кирилл Грачёв почтит нас своим присутствием! Лена будет в шоке. Ждём.

На экране тут же появился яркий баннер с адресом и примерной программой праздника. Кричащий, безвкусный, как дешёвая реклама. Понимал, что они оба не дизайнеры, но можно было обратиться к кому-то из наших и сделать нормальное приглашение.

Я положил телефон на полированный стол и на секунду задержал взгляд на чёрном экране.

Пора бы собрать вещи и вернуться в Москву. Там скопилось немало дел. Честно говоря, открывая этот филиал, я вовсе не собирался засиживаться здесь. Но каждый день нахожу новые причины остаться ещё ненадолго.

Где-то глубоко внутри я догадывался, в чём дело. Виктория. Именно она удерживала меня здесь. Но признавать это — даже самому себе — я упорно отказывался. Вместо этого выдумывал новые задачи, которые легко можно было бы решить и из главного офиса.

Всё это было ошибкой. Я знал это. Но остановиться... уже не мог.

Я снова взял в руки телефон. Её присутствие — пусть и через экран — было единственным, что могло вернуть мне равновесие. Пальцы сами скользнули по буквам.

Одиссей:

Бывают дни, когда понимаешь — перешёл черту. И не знаешь, как жить дальше.

Ответ появился почти сразу, словно она ждала.

Ледяной цветок:

Одиссей? С тобой всё в порядке?

Я горько усмехнулся.

Одиссей:

Я сделал нечто... непростительное. Непрофессиональное.

Ледяной цветок:

Ты? Непрофессионально? Не верю. Ты же всегда собран.

Ирония сдавила горло. Если бы она только знала...

Одиссей:

Ошибки свойственны всем. Даже мне. Иногда мне кажется, что я сам не понимаю, чего хочу.

Она замолчала. Я живо представил её: укутанную в плед, нахмуренную, пальцы замерли над экраном телефона.

Время шло, а ответ не приходил.

Одиссей:

Ты там?

Ледяной цветок:

Задумалась.

У меня тоже сегодня странный день.

Но сейчас не об этом.

А чего ты хочешь? По-настоящему?

Я закрыл глаза, откинувшись на спинку кресла. Чего я хотел? Чтобы Виктория перестала быть моей сотрудницей? Чтобы Ледяной цветок пришла на встречу? Чтобы Соболевская стала такой, как Ледяной цветок?

Одиссей:

Хочу, чтобы всё было просто.

Ледяной цветок:

Простота — это миф. Всё настоящее и ценное всегда сложно.

Как твои краски. Помнишь «Аметистовую ночь»? Ты же сам говорил — глубина рождается из множества слоёв.

Она всегда находила нужные слова. Каждая её фраза попадала точно в цель. Я потёр переносицу, ощущая усталость во всём теле. Она была моим единственным убежищем.

Одиссей:

Ты права. Как всегда. Спасибо, что выслушала.

Ледяной цветок:

Всегда. Спокойной ночи, Одиссей.

Одиссей:

Спокойной ночи, Ледяной цветок.

Я вышел из чата и откинулся в кресле, глядя в тёмное окно. В стекле отражалось моё собственное уставшее лицо. Я провёл рукой по щетине на щеках и выдохнул.

В субботу — день рождения. А до субботы — ещё несколько дней работы, встреч и мучительная необходимость смотреть Виктории в глаза, помня, какими были её губы на вкус. И самое ужасное — я ждал этого. Ждал с трепетом, которого не испытывал уже много лет. Пожалуй, после дня рождения лучше уехать домой.

Глава 9

В четверг на работе случился выходной, о чём я напрочь забыла, я вскочила ранним утром и, опасаясь опоздать, поспешно собралась на работу. Лишь потом вспомнила, что сегодня выходной и можно было бы без зазрения совести спать до обеда. Но сон уже прошёл.

Тогда я решила: раз уж проснулась так рано, значит, заслужила право расслабиться. И вместо работы отправилась гулять.

Я шагала по Летнему саду, стараясь не думать ни о работе, ни о Грачёве, ни о том поцелуе, который всё не выходил из головы. Ветер играл прядями моих волос, наконец распущенных из привычного защитного пучка. Слева кто-то играл в мяч, справа — пара тихо целовалась на скамейке. Я устроилась под деревом, достала телефон и открыла в нём книгу, делая вид, что у меня нет ни дедлайнов, ни правок, ни начальника, сводящего с ума.

Удивительно приятно просто сидеть и ничего не делать. Да, я была одна, и мама наверняка сказала бы, что зря не ищущая компанию, но мне нравилось одиночество. Или, по крайней мере, я к нему привыкла.

Вдруг я почувствовала на себе чей-то взгляд. Подняла глаза.

Передо мной стояла светловолосая девочка лет пяти-шести, пристально меня разглядывавая.

— У тебя сумка открыта, — серьёзно сказала она.

Я посмотрела на сумку.

— Знаю.

— А почему?

— Потому что я достала телефон, но потом снова его положу. Вот и не стала закрывать.

— Ты ленивая?

— Немного.

— Я тоже, — вздохнула девочка.

Я выключила экран и оглядела сад — похоже, никто не искал ребёнка.

— А мама тебя ругать не будет? — спросила она.

Я фыркнула:

— Мама, конечно, не упустила бы случая, если бы увидела.

Девочка недоумённо моргнула.

— Тогда лучше застегни сумку.

Вдалеке раздалось:

— София!

Девочка обернулась.

— Тебя зовут София? — уточнила я.

Она кивнула.

— Соня! — крикнули снова, уже ближе.

И тогда я увидела его. Из-за поворота аллеи шагал Кирилл Грачёв. В тёмных джинсах и простом чёрном свитере он выглядел расслабленным — таким я никогда не видела его в офисе. В животе всё сжалось ещё до того, как я успела осознать происходящее.

Он остановился, заметив меня. Его взгляд скользнул по моим джинсам, потом вернулся к лицу.

— Виктория?

Соня посмотрела на него, потом на меня.

— Ты его знаешь?

Я открыла рот, чтобы сказать что-то резкое, но вовремя остановилась. При ребёнке — нельзя.

Грачёв подстраховал меня:

— Она с моей работы, — сказал он. — Сонь, я же просил не отходить далеко.

В его голосе не было привычного сарказма.

— У неё сумка открыта, — сообщила София, словно это была самая важная новость.

Бровь Кирилла поползла вверх, на радость девочке, и он посмотрел на меня с неммым укором.

— А что нельзя? — буркнула я.

— Хочу уже к маме, — внезапно заныла Соня, дёргая его за руку.

Неужели у Грачёва есть жена и ребёнок? Раньше мне и в голову не приходило. Странно, ведь он вполне интересный, обеспеченный мужчина в расцвете сил. И почему у него не может быть семьи?

— Сейчас пойдём, — сказал Кирилл, не отводя от меня взгляда. Казалось, он также не знает, что делать дальше, как и я.

— Можно, она пойдёт с нами? — неожиданно спросила Соня. Потянула меня за руку, и я невольно поддалась, боясь сделать резкое движение. Кирилл смотрел на это со странным выражением на лице.

— Думаю, Виктории нужно... — начал он.

— Да ничего мне не нужно, — перебила я.

Внутри проснулся азарт: внезапно захотелось посмотреть, как он выкрутится. Вот это веселье!

Глаза Грачёва сузились. Он понял мой вызов.

— Тогда, видимо, я позвоню твоей маме и скажу, чтобы она купила ещё один кофе для Виктории, — вздохнул он.

Это было неожиданно, и теперь уже я не знала, как выкрутиться. Знакомиться с женой босса при странных обстоятельствах мне совсем не хотелось.

— Пожалуй, я всё-таки пойду, — натянуто улыбнулась я.

— Нет-нет, исключено. Вы ведь не хотите обидеть маленькую девочку, — подмигнул Грачёв.

Стало ясно: он играет со мной. Удивительная способность поворачивать ситуацию в свою пользу.

Мы пошли по аллее. Соня бежала впереди.

— Ваша дочь? — спросила я.

Кирилл покачал головой.

— Племянница. Сестра приехала прогуляться по городу.

Сама не поняла, почему, но я почувствовала облегчение и тут же разозлилась на себя за это.

— Сложно гулять с ребёнком?

— Непредсказуемо, — сказал он, бросив на меня быстрый взгляд. — Для некоторых вещей не существует бизнес-плана.

Мы неспешно дошли до поворота главной аллеи, когда тишину разорвал короткий сигнал его телефона. Кирилл на мгновение остановился, скользнув взглядом по экрану.

— Мама только что зашла в магазин, — произнёс он, опуская телефон в карман. — Задержится.

— Ну вот, — протянула Соня, вся её поза выражала драматическую скорбь. — Это надолго.

— Значит, действуем самостоятельно. София, коктейль будешь? — он кивнул в сторону небольшого павильона, спрятавшегося между вековыми дубами.

— Банановый! — не раздумывая, выпалила девочка.

Его взгляд переместился на меня.

— А вам, Виктория? Может, кофе?

— Эспрессо, пожалуйста, — ответила я почти машинально.

Уголок его губ дрогнул.

— Любите «вырви глаз»?

— Именно, — парировала я.

Он кивнул и направился к стойке. Я осталась с Соней, наблюдая, как он достаёт кошелек. Ситуация казалась нереальной: мой несгибаемый арт-директор, терроризировавший меня всю неделю, теперь покупал мне кофе в парке.

Когда он вернулся и протянул мне маленький стаканчик, наши пальцы едва соприкоснулись, и по коже пробежала дрожь.

А потом мы гуляли по липовым аллеям, вдыхая цветочные ароматы и слушая пение птиц. Мы шагали за Соней, которая, опустошив стакан, носилась по дорожкам. Между нами было тихо. Неловко.

— У вас есть братья или сёстры? — вдруг спросил Грачёв.

— Нет, — коротко ответила я.

— Объясняет многое, — пробормотал он себе под нос.

— Например?

— Вы похожи на девочку, которая старается выглядеть «хорошей».

— Тяжело быть единственной дочерью тревожной матери, — сказала я. — Впрочем, сегодня я не планировала психолога.

Грачёв хмыкнул.

Вскоре мы вышли к пруду. Соня уже ждала нас у воды, разглядывая уток.

Я наблюдала за расслабленной спиной Грачёва, за тем, как он слушал болтовню племянницы и кивал. Это был не тот человек, который разносил мои работы в пух и прах. Это был незнакомец.

Тем же вечером, уже дома, я снова открыла наш чат с Одиссеем.

Ледяной цветок:

Ты никогда не чувствуешь себя... одиноким? Даже когда вокруг люди?

Ответ не пришёл сразу. Я уже почти пожалела о своей внезапной слабости, когда экран, наконец, вспыхнул.

Одиссей:

Думаю, это случается со всеми. Но я научился с этим справляться.

Я улыбнулась горько, ощущая, как далеко мне до такого умения.

Ледяной цветок:

Мне тоже нужно этому научиться.

Одиссей:

Ты всегда можешь написать мне. Всегда. Я буду рад стать твоей отдушиной на постоянной основе.

Кирилл Грачёв

Стоя у окна спальни, я мысленно прокручивал события уходящего дня.

Называется, погулял с племянницей...

Кто бы мог подумать, что мы наткнёмся на Соболевскую. А ведь наткнулись. Самое забавное — она решила, что Соня — моя дочь, а где-то поблизости скрывается жена, и тут же попыталась меня подставить. В её духе.

В целом время мы провели неплохо. Но если бы на месте Виктории оказалась Ледяной Цветок, уверен, прогулка получилась бы куда продуктивней.

Пока Соня была занята утками, разговор не клеился. Виктория выглядела напряжённой, я тоже чувствовал себя неловко.

После полудня Виктория бросила взгляд на часы.

— Мне пора, — сказала она. — Завтра на работу, да и к субботнему празднику нужно подготовиться. Вас пригласили?

Она посмотрела на меня так, будто хотела услышать — нет. Я улыбнулся, нарочно потянул паузу — пусть немного порадуется в предвкушении. Но, к своему удивлению, вдруг ощутил волнение: мысль о том, что она тоже будет там, неожиданно тронула меня.

— Я иду, — произнёс я наконец, решив, что выдержал паузу достаточно.

На миг её глаза округлились. Кажется, я действительно застал её врасплох.

— Что ж, отлично. Я пойду. Спасибо за компанию.

— Да не за что, — ответил я с улыбкой. — Было приятно провести время вместе.

— Неужели?

Виктория дерзко вскинула подбородок. Ну конечно, она не могла удержаться — обязательно надо поддеть. Что ж, теперь и я в долгу не останусь. Внутри вспыхнуло невыносимое желание — смутить её. Нужно напомнить о поцелуе.

Она уже развернулась, когда я её окликнул:

— Виктория!

Она остановилась, но оборачиваться не спешила.

— Насчёт того, что случилось в кабинете... забудьте. Это была ошибка.

Я замолчал, готовясь к любому исходу — раздражению, упрёку, даже насмешке. Но только не к тому, что произошло.

Она медленно повернулась. Лицо спокойное, взгляд — непроницаемый.

— Без проблем. Забуду.

Вот так просто?

Не сказав больше ни слова, Виктория развернулась и пошла прочь, даже не взглянув в мою сторону. Я смотрел ей вслед и чувствовал себя последним идиотом. Хотел вызвать у неё эмоции, а в итоге сам закипал от злости.

Хорош! Сначала переступить черту, а потом великодушно предложить «забыть». Блестяще.

Я опустил на скамейку, дожидаясь, пока Соня вдоволь наиграется, и достал телефон. Нужно было срочно отвлечься. Единственный человек, с кем хотелось поговорить сейчас, — это Ледяной Цветок.

Я открыл наш чат и набрал сообщение.

Одиссей:

Я снова наступил на те же грабли. Эта сотрудница сведёт меня с ума.

Ответ прилетел почти мгновенно.

Ледяной цветок:

Что она натворила?

Одиссей:

Она будто нарочно меня злит. Иногда кажется, что мы разговариваем на разных языках.

Я ждал её слов — тех самых, что всегда попадали в точку и умели расставить всё по местам. Но вместо привычного утешения получил ответ, от которого на секунду замер.

Ледяной цветок:

А ты пробовал её понять? Возможно, у неё есть своя правда.

Несколько секунд тишины. И ещё одно сообщение:

Ледяной цветок:

Прости, я сегодня не в духе. Если у тебя сотрудница-агрессор, то у меня — босс: надутый индюк и узурпатор. Давай спишемся вечером.

Конечно, вечером мы снова переписывались и, как всегда, её слова успокоили меня.
Пора спать. Завтра снова предстоит терпеть Соболевскую. А там ещё и этот день рождения — испытание за испытанием.

Я бросил телефон на кровать и невольно рассмеялся.

Что ж... будь что будет.

Глава 10

Всю пятницу я провёл в разъездах и на встречах: новые контракты, согласования, бюджеты — день был забит под завязку. Соболевскую я почти не видел: лишь мимолётно — она выходила из переговорки, когда я входил.

С Ледяным Цветком тоже не общался — намеренно отложил телефон в сторону. Мне был нужен этот один день тишины. День для того, чтобы собраться с мыслями.

К вечеру в голове, наконец, воцарился относительный порядок. Мысли разложились по полочкам, и я твёрдо решил: отныне с Викторией — исключительно работа.

С такими мыслями я отправился на день рождения.

Я стоял у массивной дубовой стойки импровизированного бара, лениво покачивая в руке бокал. Лена из отдела копирайтинга выбрала для праздника эффектное место — просторный лофт с высокими кирпичными стенами и панорамными окнами, из которых открывался вид на ночную Неву. Шумное, немного претенциозное пространство, полное людей, которых я видел каждый день на работе и сейчас изо всех сил избегал.

Я уже прикидывал, сколько минут нужно продержаться для приличия, прежде чем можно будет исчезнуть. План был прост: один круг по залу, короткое поздравление имениннице, пара фраз с её женихом — и прочь, в прохладный питерский вечер.

Я уже почти повернулся к выходу, когда дверь в зал распахнулась.

И всё вокруг застыло.

В проёме, в мягком свете коридорных бра, стояла Виктория.

И какая...

Я узнал её мгновенно, но сознание отказывалось принять, что эти знакомые черты могут сложиться в такой ослепительный образ. Это была не та Соболевская, которую я видел ежедневно: напряжённую, собранную до мелочей, с волосами, стянутыми в безупречный и безжалостный пучок.

Теперь передо мной стояла женщина в платье глубокого, аметистового оттенка — цвета, который всегда манил меня в палитре. Крой был прост, без излишеств, но ткань мягко обнимала её фигуру, вспыхивая загадочными переливами при каждом движении, словно в неё вплели самые тёмные осколки ночного неба. Длинные рукава, открытые плечи... И спина. Совершенно открытая спина, где гладкая линия лопаток и позвоночника выглядела почти скульптурно, безупречно.

Её волосы были распущены — светлой волной спадали на плечи, оттеняя тонкую кожу. И в этом обрамлении серые глаза, обычно полные вызова, казались огромными и бездонными. В ней переплелось всё сразу: уязвимость и пылкость, сдержанность и живая энергия. Она была другой. И до боли желанной.

Виктория остановилась на пороге, чуть запыхавшаяся, будто спешила сюда бегом. Её взгляд скользил по залу, выхватывая лица, ищущий, настороженный. В пальцах нервно перекачивался клатч — точно в тон её платью.

Я сам не заметил, как сделал шаг вперёд. Бокал вдруг показался непозволительно тяжёлым, а сердце стучало так громко, что, казалось, его слышит весь зал. Каждая клетка моего тела отзывалась на её присутствие. Один за другим рушились все барьеры, которые я так старательно возводил всю пятницу.

Я видел её каждый день, ругал, доводил до белого каления, целовал в порыве безумия — но я никогда не видел её такой.

Виктория заметила меня. Её взгляд зацепился за мой, и на мгновение на лице мелькнула тень привычной настороженности. Но тут же она сменилась чем-то иным — вызовом? Сму-

щением? Она медленно, будто давая мне время разглядеть её, направилась ко мне через зал. Я не мог отвести глаз. Каждый мускул в теле напрягся.

— Кирилл Сергеевич, — её голос был тише обычного, но при этом чётким. — Добрый вечер.

— И вам того же, — выдавил я, ощущая нелепость собственных слов. Сделал глоток, чтобы хоть немного собраться. Горьковатый вкус немного прочистил разум. — Давно не виделись.

Она слегка склонила голову набок, и в её глазах заблестели знакомые искорки.

— Вы как будто не ожидали меня здесь увидеть? Или я уже уволена, потому что вы не смогли со мной справиться?

Её укол вернул мне часть самообладания. Хорошо. Так понятнее. Так привычнее.

— Не преувеличивайте свои возможности, — парировал я. — Вы прекрасно выглядите.

Последняя фраза вырвалась сама собой, против моей воли. Глупо. Непрофессионально. Виктория удивлённо приподняла бровь, и на губах скользнула едва заметная улыбка.

— Спасибо. Вы тоже... очень соответствуете обстановке.

В этот момент к нам подошёл Максим, уже изрядно весёлый, с двумя бокалами в руках.

— Кирилл! Вика! Вы уже нашли друг друга! Отлично! — радостно оглядел нас обоих. — Вика, ты просто затмеваешь всех здесь! А ты, Кирилл, аж рот открыл, когда она вошла — я видел!

Я сжал зубы, посылая Максиму мысленное проклятие. Виктория смотрела на меня с лёгким, едва уловимым торжеством в глазах.

— Макс, хватит, — буркнул я.

— Да чего уж там! — он невозмутимо протянул нам бокалы. — Вы же почти не пересекались вне офиса, да? А теперь познакомились поближе. Кирилл, кстати, обычно на такие вечера не ходит. А сегодня — вот он, во всей красе! Наверное, хотел кого-то увидеть.

— Максим... — я произнёс его имя с такой ледяной интонацией, что он, наконец, замолчал и неловко откашлялся.

— Ладно, ладно, я пойду Лену искать. Вы тут... отдыхайте! — И он поспешно ретировался, оставив нас в звенящей тишине.

Виктория подняла бокал, и её взгляд скользнул по моему лицу, изучающий, оценивающий.

— Значит, вы не любите праздники. А я думала, вы просто не любите, когда люди опаздывают. А может, вы вообще людей не любите? Или только меня?

— Я не люблю беспорядочную болтовню, — ответил я, чувствуя, как от её слов ум за разум заходит. — А это... — я жестом охватил шумный зал, — обычно пустая трата времени.

— А сейчас? — Она сделала маленький глоток, и я невольно проследил за движением её губ.

— Сейчас ещё рано делать выводы, — сказал я.

— Представляю, как вы радуетесь предстоящему корпоративу в честь дня компании, — Виктория слегка улыбнулась, и в этой улыбке я уловил насмешку.

Внезапно заиграла музыка, медленная и мелодичная. Люди потянулись на небольшой танцпол. Виктория бросила взгляд туда, и я уловил в её позе неуверенность — ту самую, что иногда мелькала в её работе, когда я заставлял переделывать проекты.

— Что, Соболевская? В работе раскрепощаться не хотите, а танцевать боитесь? — поддразнил я её, поддавшись внезапному импульсу.

Она резко повернулась ко мне, и в её глазах вспыхнул тот самый огонь — азарт, за который я тайно ценил наши стычки.

— Я ничего не боюсь, Кирилл Сергеевич. Особенно того, что вы можете подумать.

— Докажите.

Я протянул ей руку, осознавая, что мой план «быстро уйти» рухнул с её появлением. И самое ужасное — мне уже не хотелось его реализовывать.

На мгновение её взгляд задержался на моём, затем она поставила бокал на стойку и, не говоря ни слова, взяла мою руку.

Всё стало гораздо, гораздо сложнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.